

ВОПРОСЫ ГЛАГОЛЬНОГО ВРЕМЕНИ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

В последние годы в славистической науке заметно оживился интерес к проблемам глагольного времени. Серьезное внимание этой категорий глагола было уделено и на IV Международном съезде славистов. В материалах съезда и тематически прилегающих к ним новейших публикациях были освещены следующие вопросы: 1) теория индикативного и релятивного употребления времен (М. Стеванович)¹; 2) структурный анализ временных категорий (А. Г. Ф. Ван-Холк, М. Ивич)²; 3) истории отдельных временных форм (С. Стойков, Ф. Копечный, Ж. Жоанне)³; 4) соотносительное употребление времен в рамках сложного предложения (В. Боек)⁴.

Не имея возможности одинаково подробно рассмотреть все эти вопросы (как показывает их перечень, весьма разнородные), мы остановимся лишь на первой проблеме, вызвавшей особый интерес участников съезда, и на некоторых моментах второй и третьей проблем.

В докладе М. Стевановича отражено современное состояние учения о синтаксическом индикативе и релятиве в плане творческой разработки концепции А. Белича⁵ и полемики с учеными, не разделяющими ряда положений этой концепции. Как известно, согласно теории А. Белича, индикативным, или прямым, является такое употребление временной формы, когда время действия определяется с точки зрения момента речи; при релятивном же употреблении действие непосредственно ориентируется по отношению к какому-либо моменту вне времени речи. Отметим, что, несмотря на сходство формулировки значений индикатива и релятива с тради-

ционными определениями абсолютных и относительных времен, между этими категориями имеется существенное различие. Индикатив по своему объему уже абсолютного времени, релятив — шире относительного. Иначе говоря, в теории Белича по сравнению с концепцией Грассри, Бругмана, Шталя расширена область относительного употребления времен за счет абсолютного.

Нам представляется, что это различие обусловлено характерным для теории Белича пониманием соотносительности времени действия с какой-то точкой отсчета не только как чисто грамматического отношения, но и как семантической и психологической связи. Именно поэтому, скажем, в примере типа *Он сие више огништа на плаче*⁶ «Он сел у очага и плачет» перфект *сиде* с точки зрения теории Белича употреблен в релятиве (время этого действия, являющегося частью повествования, непосредственно соотносится не с моментом речи, а с одним из сменяющихся моментов прошлого); между тем с точки зрения традиционной теории здесь речь идет об абсолютном времени.

В учении о синтаксическом индикативе и релятиве существенное значение имеет тот факт (подчеркнутый А. Беличем в его выступлениях в прениях), что в индикативе невозможно заменить одну временную форму другой, тогда как в релятиве такая замена оказывается возможной.

Среди сторонников рассматриваемой теории нет полного единства в трактовке употребления ряда временных форм. Так, определяя имперфект в сербскохорватском языке как время, употребляющееся лишь в релятиве, М. Стеванович расходится с мнением А. Стойковича, П. Сладовича⁷ и некоторых других ученых, допускающих и индикативное употребление этой формы. Подробная аргументация точки зрения М. Стевановича в его специальном исследовании о значении имперфекта⁸, как нам представляется, все же не может отвести несомненные диалектные и литературные примеры индикативного имперфекта, приведенные П. Сладовичем⁹. Что касается перфекта, то представляется вполне оправданным отказ М. Стевановича от критерия временной пометы (обстоятельства времени) как фактора, определяющего релятивность этой формы. М. Стеванович, безусловно, прав, говоря о том, что наличие показателя времени, обозначающего, когда имен-

¹ М. Стеванович, Начин одређивања значаја глаголских времена, «Јужнословенски филолог» (ЈФ), XXII, 1957—1958.

² А. Г. Ф. ван Холк, On the semantic mechanism of the Russian tenses, 's-Gravenhage, [1958]; М. Ивич, Систем личних глаголских облика за обележавање времена у српскохрватском језику, «Годишњак филозофског факултета у Новом Саду», књ. III, Нови Сад, 1958.

³ Ст. Стойков, Изчезването на имперфект и аорист в банатския говор, «Славистичен сборник», т. I, София, 1958; Ф. Копечный, Пришедши zahynuvši, — prišlý, zahynulý (Příspevek k problému slovanského přičestí l-ového), «Славянская филология. Сб. статей», II, М., 1958; J. Johanne, De l'aoriste imperfectif dans la Chronique laurentine, RESI, t. 34, fasc. 1—2, 1957 (доклад Ж. Жоанне, к сожалению, не состоялся).

⁴ W. Bock, Der Tempusgebrauch in der russischen Objekt- und Subjektsätzen, seine historische Entwicklung und sein stilistischer Wert, ZfS, Bd. III, Hf. 2—4, 1958.

⁵ См., например, А. Белич, О језичкој природи и језичком развоју, 2-е изд., Београд, 1958, стр. 195—213 и другие работы того же автора.

⁶ Пример из П. Кочича приведен М. Стевановичем (стр. 41).

⁷ См.: А. Стојић и Ивич, Значење аориста и имперфекта у српскохрватском језику, Ljubljana, 1951; П. Сладович, О имперфекту у српскохрватском језику, ЈФ, XX, 1953—1954.

⁸ М. Стеванович, Значење имперфекта према употреби у језику П. П. Ђероша, ЈФ, XX, 1953—1954.

⁹ П. Сладович, указ. соч., стр. 216—217.

по происходило действие, отнюдь не исключает индикативного употребления перфекта¹.

До сих пор нельзя считать решенным вопрос о том, к какой из рассматриваемых категорий следует отнести употребление глагольных форм в абстрактном (вневременном, гномическом) и повторительном значении. Мнения ученых по этому вопросу расходятся. Так, Н. С. Поспелов считает такое употребление индикативным². По мнению Л. Андрейчина, повторительное настоящее время объединяет в себе элементы и релятивного и индикативного (по Л. Андрейчину, реального) настоящего³. М. Стеванович вслед за А. Белlichem считает, что данное употребление в основном является релятивным. Трудность решения вопроса, как правильно отмечает М. Стеванович, заключается в том, что в данном случае действие не проектируется ни на момент речи, ни на какой-либо другой момент, но одинаковым образом относится к любому времени. Думается, что эта трудность не преодолевается ни одной из существующих теорий. Действительно, при вневременном употреблении (типа *Новая метла чисто метет*) мы не можем говорить о синтаксическом индикативе, так как здесь отсутствует ориентация времени действия (определенного времени в данном случае как раз и нет: время всеобщее, любое) на момент речи. Вместе с тем случаи такого типа не подходят и под понятие релятива, так как здесь нет соотнесенности действия с каким-либо моментом вне времени речи (ведь нельзя же говорить о соотнесенности с любым моментом, т. е. ни с каким в частности и со всеми в целом). Попытки вписать употребление рассматриваемого типа в рамки индикатива или релятива нельзя признать удачными, так как факты в эту схему не укладываются. Не случайна оговорка М. Стевановича относительно того, что вневременное употребление глагольных форм невозможно связать исключительно с одной синтаксической категорией (индикативом, релятивом или модусом)⁴.

¹ Н. С. Поспелов уже в 1947 г. (см. его статью «Учение А. Беллича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релятиве», Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 3, 1947) указал на спорность понимания А. Белlichem различия между индикативом и релятивом в зависимости от наличия или отсутствия в предложении адвербиальных показателей времени.

² См. Н. С. Поспелов, Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке, сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955, стр. 210, 222—223.

³ См. Л. Андрейчин, Основная болгарская грамматика, София, 1942, стр. 218.

⁴ См. М. Стеванович, Начин одређивања значења глаголских времена, стр. 46. Трудно, однако, согласиться с М. Стевановичем, что это обстоятельство (отмеченное уже А. Белlichem) не противоречит при-

нам представляется, что решение данного вопроса вряд ли может быть однозначным для всего языкового материала, подводимого под понятие «гномического и квалификативного употребления времени», поскольку этот материал далеко не однороден с точки зрения степени абстрагированности времени действия. Что касается собственно вневременного употребления, то, по-видимому, эта область значения глагольных форм вообще находится в иной плоскости, чем область индикативного и релятивного употребления времени, вне сферы распространения этих категорий. Нам кажется, что назрела необходимость выяснить, в каком отношении находится друг к другу категории синтаксического индикатива и релятива, с одной стороны, и категории актуальности и неактуальности глагольного действия, с другой⁵.

Среди сторонников теории синтаксического индикатива и релятива имеются известные расхождения в самом понимании этих категорий. Так, Н. С. Поспелов считает, что индикативное и релятивное употребление форм времени различается по характеру отражения во временных значениях глагольных форм связи субъекта и действия с объективным содержанием реальной действительности. При синтаксическом индикативе реальная действительность отражается в формах времени непосредственно, при релятиве же — косвенно, опосредованно. Такое толкование рассматриваемых категорий Н. С. Поспеловым вытекает из его понимания настоящего не как момента речи, а как широкого временного синтеза, в котором непосредственно реализуется объективная действительность и глагольное действие прикрывается к субъекту действия⁶. Эту концепцию синтаксического индикатива и релятива Н. С. Поспелов решительно отстаивал в своем выступлении на съезде. Против указанных положений возражал в своем докладе М. Стеванович. Он полагает, что определение времени действия по отношению ко времени речи говорящего лица как к точке отсчета — это языковая действительность, отражающая действительность реальную, и поэтому данная Н. С. Поспеловым характеристика понятия времени говорящего лица как понятия идеалистического является необоснованной⁷. По мис-

знанию вневременного употребления в основном релятивным.

⁵ Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Ср. Н. K ř í ž k o v á, K problematice aktuálního a neaktuálního užití časových a vidových forem v češtině a v ruštině, «Československá rusistika», № 4, 1958.

⁶ См. Н. С. Поспелов, указ. соч., стр. 208—209, 245.

⁷ Ср. критику точки зрения Н. С. Поспелова у других авторов: Г. М. Милейковская, О соотношении объективного и грамматического времени, ВЯ, 1956, № 5, стр. 75—77; Н. K ř í ž k o v á, указ. соч., стр. 186.

нию М. Стевановича, с реальной действительностью одинаковым образом связано как индикативное, так и релятивное употребление времен.

Если отвечать на различий в философской трактовке понятия «настоящего», обуславливающих соответствующие различия в теоретическом толковании синтаксического индикатива и релятива, и принять во внимание чисто лингвистическую (и практическую) сторону вопроса, то становится ясным, что расхождения между Н. С. Поспеловым и М. Стевановичем (и всей белградской школой) не так уж велики: в принципе ученые говорят об одном и том же. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть тот конкретный языковой материал, который анализирует в своих работах Н. С. Поспелов, и такие его определения, как, например, следующее: «...при индикативном употреблении прошлое и будущее непосредственно соотносятся с настоящим, тогда как при релятивном употреблении они отрешены от непосредственной связи с настоящим и осуществляют то или иное временное значение по отношению к какому-либо моменту прошлого или (реже) будущего»¹.

В выступлении Е. И. Деминой была дана структурная интерпретация значений временных форм, которая, несмотря на сохранение важнейших понятий теории А. Белича, существенно изменяет принцип классификации времен. На основе анализа системы времен болгарского глагола XVII—XVIII вв. Е. И. Демина выделяет времена относительные (перфект, плюсквамперфект, будущее в прошедшем, прошедшее в будущем) и абсолютные (настоящее время, аорист, имперфект и будущее). Формам относительного времени присуще указание на двойственность временной характеристики действия (т. е. на посредствующий период в его отношении к моменту речи). Это указание рассматривается как положительный коррелятивный признак. Формы неотнесенных времен не содержат в своем значении такого указания, а поэтому могут обозначать как действия, время совершения которых определяется по отношению к какому-либо моменту вне момента речи (причем в данном случае на посредствующий момент указывает контекст), так и действия, время совершения которых определяется непосредственно по отношению к моменту речи. Отметим, что проводимое Е. И. Деминой четкое разграничение двух групп глагольных времен нашла поддержку в выступлении Л. А. Нидрича, подчеркнувшего необходимость отличать релятивные времена от релятивного употребления форм, обычно выступающих в индикативе.

В выступлении А. В. Бопдарко было высказано мнение, что при релятивном употреблении глагольных форм время действия определяется или по отношению к какому-либо времени вне момента речи, или по отношению к этому времени и вместе

с тем к моменту речи. Иначе говоря, при релятивном употреблении время действия имеет или одну точку отсчета, которая не есть момент речи, или две точки (включая момент речи). Отмечается также, что следует различать два типа релятивного употребления времен. 1-й тип характеризуется чисто грамматическим отношением времени данного действия ко времени другого действия (одновременность, предшествование или следование) и соответствует традиционному понятию относительного употребления времен. 2-й тип отличается семантической соотнесенностью времени действия с временным планом, находящимся вне момента речи, и отсутствием такой соотнесенности со временем речи («отрешенностью» от этого времени), что не исключает, однако, возможности чисто грамматического отношения к моменту речи как к точке отсчета.

Переходим к вопросам структурной характеристики временных категорий. При этом мы ограничимся кратким изложением основных положений упомянутой выше статьи М. Ивич, представляющей значительный интерес как первый опыт структурного анализа системы временных форм сербскохорватского глагола.

Автор выделяет 4 критерия, обуславливающих группировку оппозиций, типичных для данной системы: 1) D — динамическая конкретизация действия, т. е. свойственное личным формам глагола выражение действия в его реальном, динамическом проявлении. Этот момент может иметь для данной формы релевантное значение (D [+]), но может и не иметь его (D [—]); 2) T — определение времени действия как прошедшего (T [+]) или будущего (T [—]) по отношению к моменту речи; 3) A — понимание действия как процесса в его течении (A [+]) или отсутствие такого понимания (A [—]); 4) V — связь времени данного действия с временем другого действия (V [+]) или отсутствие такой связи (V [—]).

Вся система времен, представленная в виде формулы, получает следующее выражение:

Настоящее время = D [+], A [±]
 Аорист = D [+], T [+], A [—]
 Имперфект = D [+], T [+], A [+]
 Перфект₁ = D [—], T [+], V [—], A [±]
 Перфект₂ = D [—], T [+], V [+], A [±]
 Будущее₁ = D [—], T [—], V [—], A [±]
 Будущее₂ = D [—], T [—], V [+], A [±]²

Автор отмечает, что релевантный признак D присущ синтетическим формам, тогда как формы, не обладающие таким релевантным признаком, являются аналитическими. Лишь аорист и имперфект характеризуются сочетанием релевантных признаков D и T. У остальных форм релевантным является лишь один из этих признаков.

² М. Ивич использует термины «перфект», «будущее» вместо неудачных, по ее мнению, терминов «давнепрошедшее» и «преждебудущее время».

¹ Н. С. Поспелов, указ. соч., стр. 214.

Временная характеристика ($T[+]$ или $T[-]$) свойственна всем формам, входящим в систему, за исключением настоящего времени, которое является в этом отношении нейтральной категорией. Определенная видовая характеристика свойственна лишь тем формам, которые обладают релевантным признаком D (имперфект ограничен несовершенным видом, аорист — в основном совершенным, презенс ограничен несовершенным видом при выражении конкретного настоящего времени речи). Остальные временные формы не обуславливают сами по себе выбора вида. С точки зрения критерия V , охватывающего формы, которые не обладают релевантным признаком D , перфект₁ и будущее₁ противопоставляются перфекту₂ и будущему₂.

Процесс исчезновения имперфекта и аориста, обнаруживающийся в ряде говоров и в некоторой степени в современном литературном сербскохорватском языке, автор объясняет изолированным положением этих времен в системе. Имперфект и аорист, в отличие от других времен, обременены двойкой характеристикой ($D[+] + T[+]$), которая не является типичной для системы в целом. Данные формы отличаются от других строго определенной видовой характеристикой ($A[+]$ для имперфекта, $A[-]$ для аориста). Кроме того, эти формы нарушают симметрический характер оппозиции прошедших времен будущим; в самой группе претеритальных времен обнаруживается недостаток непосредственных оппозиционных связей между перфектом₁ и перфектом₂, с одной стороны, и аористом и имперфектом, с другой.

Выделение релевантных признаков временных форм сербскохорватского глагола и анализ их взаимосвязей в работе М. Ивич нам представляется в целом убедительным, хотя отдельные моменты и кажутся спорными. Так, критерий T , согласно которому прошедшие времена, имеющие позитивную характеристику ($T[+]$), противопоставляются будущим временам, характеризующимся негативно ($T[-]$), не соотносительен со всеми прочими критериями, у которых позитивная характеристика ($[+]$) означает наличие, а негативная ($[-]$) — отсутствие данного релевантного признака. Недостаточно ясным и определенным представляется критерий D . В схеме, предложенной М. Ивич, как нам кажется, недостаточно отражены специфические особенности перфективного презенса. Однако в целом, как уже говорилось, первый опыт структурного анализа системы времен, функционирующих в сербскохорватском языке, следует признать в основном удачным.

Остановимся теперь на вопросах, связанных с историей отдельных временных форм в славянских языках (в материалах IV Международного съезда славистов речь идет об аористе, имперфекте и перфекте). В широком теоретическом плане трактует вопрос о судьбе простых прошедших времен в банатском говоре болгарского языка С. Стойков. Если учесть сохранность имперфекта и аориста в болгарском языке, значительный интерес представляет самый

факт исчезновения этих времен в банатском говоре. Весьма поучительны детали процесса падения указанных форм, позволяющие в ряде случаев провести параллель между фактами исследованного С. Стойковым говора и имеющимися в науке данными об исчезновении простых прошедших времен в ряде славянских языков. Так, С. Стойкову удалось установить, что падение имперфекта в банатском говоре относится к более раннему периоду (не позднее 2-й половины XVIII в.), чем исчезновение аориста (не позднее начала XIX в.). По мнению автора, формальному смешению рассматриваемых времен (точнее, расширению аористных форм за счет имперфектных) и их падению как временных форм предшествовало семантическое выравнивание, исчезновение специфических значений имперфекта и аориста. Именно утрата характерных значений обуславливает падение форм. Простые прошедшие времена были вытеснены перфектом, расширившим свое значение и употребление и превратившимся в претерит.

Новым и очень интересным представляется предположение С. Стойкова о причинах сохранения простых прошедших времен как живых форм в болгарском и македонском языках, представляющих собой исключение из общей тенденции развития всех славянских языков (включая сербскохорватский и лужицкие, в которых аорист и имперфект переживают процесс утраты). В объяснении этого явления автор отводит значительную роль пересказывательному наклонению. В банатском говоре, не имеющем пересказывательных форм, перфект не был функционально и формально обременен и поэтому мог легко сблизиться с аористом. В болгарском же языке в целом (а также македонском) благодаря наличию форм пересказывания установились позиционные связи между формами имперфекта и аориста, перфекта и пересказывательного наклонения (*четях : четох — четях съм : чех съм*). Эти позиционные связи создали условия для сохранения каждого члена противопоставления не только как формы, но и как значения.

Иное объяснение факта исчезновения простых прошедших времен в одних славянских языках и их сохранения в других выдвинул, исходя из своей теории синтетизации перфекта, Ф. Копечный¹. Его мысль вкратце сводится к следующему.

¹ Помимо указанной выше статьи, в которой автор лишь попутно касается данного вопроса, см.: Ф. Кореџъ, *Problém českého přičestí minulého činného* v historii českého mluvnickví, «Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан», София, 1955; см. также Ф. Кореџъ, *Základy české skladby*, Praha, 1958, стр. 93—95. Ср. возражения Ф. Травнича против ряда положений Ф. Копечного относительно чешских глагольных форм (Ф. Trávníček, *K českým opsaným tvarům slovesným*, SaS, ročn. XIX, číslo 1, 1958) и ответ Ф. Копечного (SaS, ročn. XIX, číslo 4). Пользуемся здесь термином Ф. Копечного «synthesisace».

Праславянский перфект типа *pisal esť* имел аналитический характер. В южнославянских и в лужицких языках до сих пор сохранился ряд формальных признаков, свидетельствующих о самостоятельности связочного глагола: а) его положение в предложении, например сербскохорват. *jeste-li чули?*; б) постановка отрицательной частицы при связочном глаголе, например болг. *не съм чел*; в) возможность повторения в ответе на вопрос лишь глагола-связки, например болг. *Не си ли ги виждал?* *Не съм*. На славянском севере (кроме лужицких языков) перфект утратил свой аналитический характер, подвергся синтетизации, что проявилось в утрате отмеченных выше формальных признаков. Обе части бывшего перфекта утратили свою самостоятельность, связочный глагол превратился в морфему, обозначающую грамматическое лицо, подобно обычной глагольной флексии. Синтетизация перфекта на славянском севере (наряду с такими факторами, как совпадение форм 2-го и 3-го лица у старых простых прошедших времен и развитие глагольного вида) явилась одним из важнейших импульсов к исчезновению аориста и имперфекта. О влиянии синтетизации перфекта на падение этих времен свидетельствует тот факт, что именно в тех языках, где перфект стал синтетической формой, исчезли аорист и имперфект. С другой стороны, во всех языках, где аорист и имперфект сохранились, сохранился и аналитический характер перфекта¹.

Объяснение Ф. Копечного нам кажется весьма спорным. Автор сам отмечает, что в словенском языке, а также в чакавских и кайкавских диалектах сербскохорватского языка аналитический характер перфекта сохранился, тогда как аорист и имперфект там утратились². К этому следовало бы добавить, что при наличии аналитического перфекта мы наблюдаем процесс отмирания простых прошедших времен в лужицких языках и их исчезновение в банатском говоре болгарского языка³.

¹ Ф. К о р е њ њ, *Prišedši...*, стр. 151—154.

² Там же, стр. 153.

³ Ф. Копечный объясняет аналитический характер перфекта в словенском языке

Трудно согласиться с самой констатацией причинной связи между синтетизацией перфекта и падением простых прошедших времен. По мнению Ф. Копечного, с возникновением новой синтетической формы прошедшего времени утрачивали смысл старые синтетические формы — аорист и имперфект⁴. Но разве в принципе в языке не могли бы сосуществовать три синтетические формы прошедшего времени, если бы каждая из них сохраняла свое специфическое значение? Очевидно, именно определенные изменения в значениях форм прошедшего времени и во взаимоотношениях этих значений могли оказать существенное влияние на исчезновение имперфекта и аориста в ряде славянских языков. Конечно, синтетизация перфекта не может рассматриваться в отрыве от изменения его значения. Но между этими явлениями, безусловно, нет механического параллелизма: исконое значение перфекта так или иначе изменилось в тех языках, которые сохранили перечисленные Ф. Копечным признаки самостоятельности связочного глагола, и, наоборот, следы старого перфектного значения обнаруживаются в языках, имеющих синтетические формы на -л.

IV Международный съезд славистов остро поставил ряд важных проблем глагольного времени и в некоторых пунктах продвинул вперед их решение. Вместе с тем еще резко обозначились нерешенные вопросы. Нам представляется, что, помимо дальнейшей разработки обсуждавшихся на съезде проблем, настоятельно необходимым является сравнительно-сопоставительное исследование славянских времен в их отношении к виду (особенно много нового общает дать интересная, но еще мало изученная область неактуального употребления временных форм).

А. В. Бондарко
ке поддержкой аналогично образованного будущего времени: *sem pisal = bom pisal* (Ф. К о р е њ њ, *Problém českého...*, стр. 295). Это весьма гипотетическое объяснение, естественно, не может быть распространено на приведенные выше факты других славянских языков и диалектов.

⁴ См. Ф. К о р е њ њ, *Základy české...*, стр. 94—95.

ЗАМЕТКИ О РУМЫНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Нет сомнения, что личное общение с деятелями науки, возможность непосредственного ознакомления с их работой и даже некоторого участия в ней очень способствуют укреплению и развитию связей делового характера между учеными Советского Союза и зарубежными стран, в первую очередь стран народной демократии. Поездка в Румынию в порядке реализации плана научного обмена между академиями наук Советского Союза и Румынской Народной Республики позволила автору этих строк провести личное ознакомление с работой филологических институтов Румынской академии, принять участие в научных заседаниях, выступить

с докладами, посетить основные библиотеки и хранилища рукописных фондов, а также установить личные контакты с рядом румынских филологов.

Прочные гуманитарные традиции, труды многих выдающихся румынских ученых-исследователей в области романской, славянской и общей филологии определили то значительное место, которое занимают лингвистика и литературоведение в Академии наук РНР и в румынских университетах. Четыре филологических института входят в состав АН РНР: Институт лингвистики и Институт литературы и фольклора в Бухаресте, Институт лингвистики в Клуже (в Клужском филиале АН есть